

И. В. КОЧЕТКОВ

СТАТИСТИКА ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ В СССР (1923—1926 гг.)

Хлебный рынок занимал ключевое положение в экономической системе «России нэповской». От происходивших на нем процессов зависели такие важные макроэкономические показатели, как уровень цен, объем денежной массы в обращении, размеры капиталовых вложений в индустрию, состояние экспортно-импортного баланса и т. д. Именно ситуация на хлебном рынке подтолкнула советское руководство к принятию политических решений, положивших конец нэпу и на десятилетия вперед предопределивших пути социально-экономического развития страны.

Для конкретного и объективного изучения конъюнктуры рынка зерна и зернопродуктов решающее значение имеет количественный анализ движения товарных масс. Такой анализ невозможен без предварительной внешней и внутренней критики имеющихся в нашем распоряжении источников статистической информации по вопросам хлебной торговли.

В 20-е годы Центральное статистическое управление (ЦСУ), Государственная плановая комиссия (Госплан), Народный комиссариат внутренней и внешней торговли (НКВТ) и другие ведомства публиковали данные о количестве заготовленного государственными и кооперативными организациями хлеба. При этом все перечисленные учреждения пользовались одним и тем же источником информации — отчетами хлебозаготовителей.

Насколько достоверны были их данные? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть практиковавшиеся методы учета хлебозаготовок.

Здесь необходимо отметить сложность анализа хлебозаготовительной статистики ввиду влияния на ее данные так называемого «эффекта двойного счета».

Между производителем и потребителем здесь встает целая цепочка посредников, между которыми одно и то же количество товарного зерна оборачивается по нескольку раз. В результате при итоговом учете товарооборота возникает названный эффект.

Проверка имеющихся в распоряжении исследователя статистических данных на наличие «двойного счета» и определение путей нейтрализации его воздействия составляет одну из важнейших задач изучения статистики товарооборота.

Когда мы говорим об эффекте «двойного счета», предполагается, что занижение итогов хлебозаготовок со стороны учетной части заготовительных организаций носило ненамеренный характер. В то же время нельзя оставить без внимания другой источник искажения статистической информации — сознательные «приписки».

При этом стоит говорить не об отдельных случаях (они могли и не составлять тенденции искажения действительности в сколько-нибудь значительном масштабе), а о наличии или отсутствии системы.

Чтобы констатировать существование такой системы необходимо и достаточно установить а) наличие устойчивых экономических и/или политических условий, толкавших руководство и низовой аппарат хлебозаготовителей к преувеличению результатов своей деятельности и б) реальные факты фальсификации данных, которые (факты) могли быть получены в результате проверок или обнаружены случайно. Значимость таких фактов во многом зависит от степени открытости аппарата хлебозаготовительных организаций для внешнего и внутреннего контроля. Отсутствие условий для систематической и полной проверки соответствия сообщавшихся заготовителями сведений действительности, при наличии упомянутых экономико-политических условий, уже само по себе может служить основанием для недоверия этим сведениям.

В настоящей статье с намеченных выше позиций будет рассмотрено состояние учета заготовок зерна и зернопродуктов в нескольких организациях: государственном акционерном обществе «Хлебопродукт», Центральном союзе потребительских обществ (Центросоюз), Союзе сельскохозяйственной кооперации и Госбанке СССР. Из них только «Хлебопродукт» занимался исключительно операциями с зерном и зернопродуктами. Однако все они вели хлебозаготовки во всесоюзном масштабе в соответствии с государственным планом и на государственные (полностью или частично) средства, а поэтому были обязаны периодически отчитываться о результатах своих заготовок перед НКВД, и их деятельность формально подлежала контролю со стороны Рабоче-крестьянской инспекции. Центральные аппараты названных организаций, за исключением «Хлебопродукта», имели в своем составе особые «Хлебные» отделы, в обязанности которых входили координация и внутренний контроль хлебозаготовок. Материалы этих отделов, Рабкриния, НКВД, а также Правления «Хлебопродукта» и послужили основным источником для настоящего исследования.

I

В февральском номере журнала «Хлебный рынок» за 1924 г. была помещена анонимная заметка «О двойном счете», автор которой обращал внимание на опасность преувеличения размеров хле-

бозаготовок в отчетах производивших их организаций за счет смещения «первичных» заготовок, т. е. закупок непосредственно у крестьян, с закупками готовых оптовых партий у других хлебозаготовительных организаций: «Низовая кооперация по крайней мере довольно энергично работала на госорганы. Большую часть своих заготовок частный капитал продавал тем же госорганам, включавшим свои покупки в свои итоги. В районах потребительских частный капитал весьма значительную часть поставляемых им затем на хлебный рынок продуктов приобрел предварительной покупкой у госорганов».¹

Итоги хлебозаготовительных кампаний, как мы уже видели, по стране в целом и по отдельным районам подводились путем суммирования отчетных данных государственных и кооперативных организаций с данными о заготовках внеплановых заготовителей и частного капитала.

Государственные и кооперативные организации в своих отчетах не отделяли зерно, купленное у производителей, от зерна, полученного в результате сделок друг с другом, а также с «внеплановыми» и частными заготовителями.

Насколько велик был удельный вес таких сделок, видно из следующих данных о деятельности кооперации в 1925/26 сельскохозяйственном году. На 1 апреля 1926 г. Сельскосоюз заготовил в централизованном порядке, т. е. по договорам с другими плановыми заготовителями, 40 млн. пудов и «путем сдачи зерна непосредственно основным и другим заготовителям», т. е. сверх договоров, 80 млн. пуд., т. е. всего — 120 млн. пуд., что составило 34 % всего заготовленного всеми организациями (по отчетным данным) за год хлеба.²

Эти данные из специального доклада Сельскосоюза в Наркомат торговли. Источник констатирует, что приведенные данные неполны, так как не все заготовки учтены.³ Однако авторы доклада не могли с уверенностью утверждать, что все упомянутые 120 млн. пудов исчерпывали все количество хлеба, желанное госзаготовителям: «Какое количество первичников вело заготовку помимо своих Союзов — установить трудно, так как не все товарищества вообще вели заготовки, но в общем оно довольно значительно потому, что имеется целый ряд районов, где первичники вели заготовку исключительно с госзаготовителями, совершенно отказавшись от своих союзов в этом отношении».⁴

Отсюда можно заключить, во-первых, что далеко не весь хлеб, заготовленный первичными организациями сельскохозяйственной кооперации, проходил через официальные отчеты и, во-вторых, что по крайней мере большая часть неучтенных заготовок передавалась «первичниками» госзаготовителям.

Другое крупнейшее кооперативное объединение, Центросоюз, в том же 1925/26 сельскохозяйственном году заготовило для других

¹ Хлебный рынок. 1924. № 2—3. С. 15—16.

² РГАС. Ф. 5240. Оп. 4. Л. 73. Л. 40.

³ Там же.

⁴ Там же.

хлебозаготовительных организаций 100,8 млн. пуд., а «для себя» — только 49,2 млн. пуд.⁵

Таким образом, если учесть только заготовки Центросоюза и Сельхозсоюза для других (главным образом государственных) заготовителей, получится, что 62,6 % всего заготовленного, согласно отчетным данным, государством и кооперативной хлеба подверглось двойному учету, так как хлебозаготовители не разделяли в отчетах заготовки на «первичные» и «вторичные».

Заместитель директора крупнейшей государственной хлебозаготовительной организации, акционерного общества «Хлебопродукт» К. Ю. Каменский заявлял в интервью журналу «Хлебный рынок»: «Основной задачей „Хлебопродукта“ с момента его основания было производство заготовок непосредственно от производителя, минуя в этом деле всяких посредников. „Хлебопродукт“ считал и считает, что одной из главнейших задач является создание действительной смычки между городом и деревней. Для осуществления этого „Хлебопродукт“ с самого начала стал организовывать широкую сеть сыпных пунктов, приближая их к производителю».⁶

Если принять на веру слова Капеллинского и предположить, что на сыпных пунктах зерно покупалось исключительно у крестьян, то можно не опасаться «эффекта двойного счета» применительно к большей части заготовок «Хлебопродукта». Однако сравнение публичных деклараций руководителей с некоторыми локальными нормативными актами и результатами проверок деятельности «Хлебопродукта» органами Рабкрима не дает оснований верить Капеллинскому на слово.

В конце июня 1923 г. Правление «Хлебопродукта» разослало своим изповым организациям «Инструкцию об организации аппарата, формах и методах работы на местах», в которой, в частности, говорилось: «Хотя стремление к непосредственной связи с производителем играет в общем направлении деятельности „Хлебопродукта“ известную роль, все же при проведении этого принципа в жизнь мы не должны упускать из виду соображения коммерческо-хозяйственные, которые постоянно должны быть положены в основу при выполнении той или иной задачи».⁷

Изменение акцентов по сравнению с публичным заявлением Капеллинского бросается в глаза: производство заготовок непосредственно от производителя упоминается нехотя, в придаточном предложении, и уже не как «основная задача», а как обстоятельство, играющее «известную роль»; напротив, «основным» объявляется коммерческая целесообразность, которая в тексте «Инструкции» явно противопоставляется непосредственной связи с производителем.

«Не забывая о той политической роли, которую играет наше учреждение как государственная организация, — читаем далее, — мы должны твердо помнить, что процветание его находится в твердой зависимости от целесообразного его (хлебозаготовительного аппара-

⁵ Там же. Л. 30.

⁶ Хлебный рынок. 1924. № 4—5. С. 2.

⁷ ЛОГАВ. Ф. Р-3742. Оп. 1. Д. 136. Л. 29.

та. — И. К.) построения и функционирования с коммерческой и хозяйственной точек зрения».⁸

Перед нами прямое противопоставление политических задач и коммерческих интересов «Хлебопродукта», при этом покупка хлеба непосредственно у производителя явно рассматривается как политическое требование.

«Инструкция» настаивала на такой модели организации низового хлебозаготовительного аппарата, которая в максимальной степени отвечала бы именно коммерческим интересам акционерного общества: «Построение собственного аппарата с целью непосредственной скупки у крестьянина желательную при неизменном условии достаточной нагрузки его во все время функционирования. В случае же, когда заготовка в том или ином районе может производиться более или менее периодически, построение аппарата, а также содержание собственного аппарата представляется невыгодным».⁹

Эта лукавая формулировка фактически совсем исключала создание аппарата для торговой связи с производителем. Бесперебойная поставка хлеба на сыпучие пункты крестьянами даже в урожайный год в принципе невозможна в силу самой природы семейного крестьянского хозяйства.

Во-первых, вывоз крестьянином своей продукции на рынок был возможен лишь во время, не занятое сельскохозяйственными работами, когда людская и конная сила свободны. Из этого времени надо еще вычесть периоды весенней и осенней распутицы.

Во-вторых, поставки зерна на рынок не могли быть равномерно распределены во времени, так как торговый доход для большинства крестьянских хозяйств не представлял самостоятельной цели и массовая продажа продукции приурочивалась к определенным моментам жизни крестьянина — прежде всего, это время внесения налога. «Инструкция» содержала и косвенные запреты на закупку хлеба непосредственно у крестьян: «На партийную заготовку хлебофуража у кооперации, государственных и других учреждений должно быть обращено сугубое внимание, так как такой вид заготовок, упрощая нам аппарат, уменьшает организационные и накладные расходы».¹⁰

Итак, перекупка готовых оптовых партий у других заготовительных организаций была выгоднее покупки непосредственно у производителя. Таким образом, Правление «Хлебопродукта» явно ориентировало своих подчиненных на закупку хлеба не у производителя, а у других заготовителей, т. е. на «вторичные» заготовки.

Мы не случайно остановились на «Хлебопродукте». Дело в том, что эта крупнейшая государственная хлебозаготовительная организация имела в правительственных учреждениях непоколебимую репутацию заготовителя, покупающего хлеб почти исключительно у производителя и даже проверки Рабкрима не ставили эту репутацию под сомнение.¹¹

⁸ Там же. Л. 29 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 32.

¹¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 166. Л. 207.

Объяснялось это тем, что непосредственными информаторами рабоче-крестьянских инспекторов были сами сотрудники «Хлебопродукта».¹² С другой стороны, существовавшая система отчетности низовой сети государственных и кооперативных заготовителей не позволяла установить, как и откуда поступало зерно на сыпные пункты.

Уже современники высказывали сомнения относительно характера зернозакупочных операций на сыпных пунктах «Хлебопродукта» и других заготовителей. В статье И. З. Каганова «Частичный заготовитель в хлебной торговле Украины» (весна 1924 г.) читаем: «Что же касается „Хлебопродукта“, то здесь выявлена лишь часть заготовок через частных лиц. Значительная часть заготовок на его сыпных пунктах является заготовками обезличенными, и по таким обезличеным заготовкам проходит большинство его хлебозаготовок».¹³

Совершенно очевидно, что происхождение обезличенных заготовок (большинства заготовок на сыпных пунктах «Хлебопродукта») хлебопродуктовики могли толковать совершенно произвольно. Даже правление «Хлебопродукта» имело зачастую весьма смутное представление о том, откуда брали зерно непосредственные заготовители. Причиной тому был полный хаос в отчетности последних.¹⁴

Перед государственно-кооперативным хлебозаготовительным аппаратом правительство ставило две взаимоисключающие задачи: закупить максимальное количество зерна в минимальные сроки и закупить максимальное количество зерна непосредственно у производителя. Если для выполнения первой задачи было необходимо быстро приобретать готовые оптовые партии, то вторая предполагала постепенное накопление мелких партий, вывозимых на рынок отдельными производителями. Поскольку первый путь, как мы видели выше, больше устраивал самих заготовителей, по нему они и шли. Об этом убедительно свидетельствуют материалы Рабкрина.

Общий вывод докладов инспекторов Рабкрина, обследовавших ход хлебозаготовок: заготовители концентрируют свою активность не в наиболее урожайных районах, а там, где действует наибольшее количество агентуры заготовителей-конкурентов. «Во всех губерниях, — констатируется в сводном докладе об обследовании хлебозаготовительной кампании 1923/24 г. на Украине, — помимо основных заготовительных организаций, вели заготовку многочисленные представители государственных и кооперативных органов... В некоторых районах их было до сорока». «Хлебопродукт» наибольшее количество хлеба заготовил в Одесской губ., где урожай 1923 г. был минимальным, а сыпные пункты Полтавской губ. с самым высоким на Украине урожаем — план заготовок выполнили только на 30%.¹⁵

Сыпным пунктам коммерчески выгоднее и технически проще было покупать хлеб у своих конкурентов: «Перекупка друг у друга носит иногда случайный характер, а иногда систематический. На-

¹² Там же. Л. 185.

¹³ Хлебный рынок. 1924. № 6. С. 3.

¹⁴ Бюллетень «Хлебопродукта». 1925. № 3—4. С. 24—25.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 166. Л. 207.

пример, Госбанк Ставропольской губернии (имеется в виду Ставропольское отделение Госбанка. — *И. К.*) покупает через Губторг, оплачивает 4% комиссионных и разницу в лимитной и покупной цене, а этот Губторг ведет часть своей операции через Мельотдел, которому платит 5 коп. с пуда и лишь последний подходит к производителю». ¹⁶

Выше уже говорилось о той роли, которую в заготовках для госорганов играла кооперация. Однако речь шла только о сделках, заключавшихся между центральными органами государственными и кооперативными заготовителями, в то время как подобного рода сделки заключались между государством и кооперацией как на уровне губернских представительств, так и между отдельными сыпными пунктами. ¹⁷ При этом ни одна хлебозаготовительная организация не подразделяла хлеб, заготовленный «рассевым способом», т. е. через собственные сыпные пункты, на купленный у производителей и у посредников. Это создавало в Москве иллюзию чрезвычайно тесной связи между заготовителями и производителями. Вот пример из хлебозаготовительной практики Госбанка на Северном Кавказе в 1923 г. Рассевым способом произведено 62,5 % всех заготовок, партионным — 37,5 %. Однако «в рассевые включены и контрагентские заготовки (заготовки сыпных пунктов, произведенные при посредничестве кооперативных и частных заготовителей. — *И. К.*), которые, конечно, должны быть отнесены, скорее, к косвенным партионным заготовкам. При такой поправке получается, что Юго-восточное отделение Госбанка заготовило рассевым способом 41%, а партионным — 59%, т. е. соотношение обоих родов закупок получается обратным тому, которое указывается Госбанком». ¹⁸

Такие «открытия» сотрудники Рабкриня могли делать лишь случайно: «Случайно обнаруживаемые источники заставляют с большим сомнением относиться ко всем цифрам заготовок». ¹⁹

Почти единственным источником сведений для рабкриновцев были, как уже говорилось, показания полконтрольных организаций, возможность проверить которые предоставлялась редко. Однако на основе всей совокупности «случайных» данных, подобных тем, которые приведены выше, в отчетах инспекторов о проверке хлебозаготовительной кампании 1923/24 г. на Украине и Северном Кавказе делался определенный вывод: одна и та же партия заготовленного хлеба до ее вывоза из района заготовки проходила через 3—5 заготовителей. ²⁰ Причем имеются в виду только государственные и кооперативные заготовители, обязанные отчетностью перед своими вышестоящими органами, т. е. одни и те же партии хлеба учитывались по 3—5 раз.

¹⁶ Там же. Л. 217.

¹⁷ Там же. Д. 168. Л. 61; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 32. Л. 6 об.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 166. Л. 204.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 168. Л. 145 и сл.

Начиная с 1923 г. государственные и кооперативные хлебозаготовительные организации получали средства в виде кредитов Госбанка, общий размер которых, с распределением по отдельным организациям, определялся СТО СССР перед началом каждой кампании. Основные заготовители должны были ежемесячно представлять в Особополномочную комиссию при СТО по восстановлению и развитию хлебной торговли (Осполком СТО) заявки с указанием месячного плана заготовок с разбивкой по культурам, районам и пунктам отправления. По этим заявкам Осполком СТО составлял общий план заготовок и доводил до сведения Госбанка общую сумму необходимых отдельным организациям для выполнения плана средств, а Правление Госбанка, в свою очередь, давало своим местным органам указания на открытие соответствующих кредитов.²¹

Заготовители на местах получали средства либо под залог заготовленного и лежащего в амбарах, либо уже отправленного к местам назначения хлеба. В последнем случае для получения ссуды заготовитель должен был представить в местное отделение Госбанка дубликат железнодорожной накладной, подтверждающий факт отправления. Этот дубликат после регистрации в Госбанке направлялся в правление предоставлявшей его организации, которое использовало его для учета заготовок.²²

Хлеб, заложенный в Госбанке, продолжал оставаться на хранении у организации-должника, но не мог быть реализован, пока ссуда не будет покрыта либо наличностью, либо упомянутыми выше дубликатами. Количество хлеба, значившегося в залоге или в отправлении, должно было по стоимости соответствовать сумме выданного кредита.

Принципиально важным является тот факт, что размер кредитования определялся исходя из устанавливаемого Осполкомом СТО среднего уровня «заготовительных цен», в то время как заготовители должны были покупать хлеб по значительно более высоким рыночным ценам (подробнее об этом ниже). В связи с этим заготовители просто вынуждены были предоставлять заведомо преувеличенные данные о своих заготовках, запасах и отправлениях.

Результаты периодически проводившихся Правлением Госбанка проверок состояния дел с финансированием хлебозаготовок — яркое тому подтверждение.

Старший инспектор Хлебного отдела Госбанка Минсверин проиhrел в конце 1923 г. объезд ряда крупных центров хлебной торговли Поволжья (Нижний Новгород, Самара, Царицын, Пенза, Самара, Саратов). Цель поездки — «обследование всех вопросов, связанных с финансированием Госбанком всех без исключения заготовителей, а также постановки контроля в названных городах филиалами Госбанка над выдаваемыми ссудами под хлебные товары».²³

²¹ Там же. Д. 166. Л. 185.

²² Бюллетень «Хлебопродукта». 1925. № 1—2. С. 2—3.

²³ РГАЭ. Ф. 234. Оп. 20. Д. 3597. Л. 15.

Обследовав Царицынское отделение, которое финансировало заготовки Центросоюза и Хлебопродукта, Миневрин пришел к следующим выводам: «1) Ссуда выдается без предварительного осмотра залогов, лишь по предъявлении сохранных расписок, но при условии, что склады раньше были известны Банку; 2) Наблюдаются трения с „Хлебопродуктом“, требующим выдачи ссуды немедленно даже в случае, когда склады банку неизвестны или завод находится вне пятиверстового района от станции железной дороги; 3) Контроль за правильностью выполнения договоров не организовано за исключением штата, ревизии залогов не производится (по тем же причинам); ... 4) Клиентами допускается отгрузка зерна без предварительного разрешения Отделения (местного Отделения Госбанка. — И. К.), на чем особенно настаивает „Хлебопродукт“». ²⁴

В Саратове обнаружена та же картина: «Контроль за исполнением договоров (с хлебозаготовителями об условиях получения и погашения ссуд. — И. К.) не установлен, так как не имеется инструкций и не выработаны формы и приемы такого контроля». ²⁵

Ревизия нижегородского Отделения, финансировавшего только «Хлебопродукт», показала: «Залоги приняты Отделением по актам. Проверки их при обследовании (имеется в виду обследование, проведенное Миневриным. — И. К.) не производилось». ²⁶

Подводя итоги своей поездки, инспектор заметит: «Заготовительные операции клиентов везде соответствуют размеру выданных ссуд и обычно превышают их. Проверять заготовки по книгам клиентов не пришлось, да и права такого нам не предоставлено. Ввиду этого размер заготовок выяснялся по данным официальных справок клиентов. Организованного контроля за клиентами нигде не имеется, так как филиалы не получают соответствующей инструкции и не выработали поэтому приемов такого контроля. Что касается осмотров и ревизий залогов, то филиалы производили их обычным порядком до тех пор, пока не получили от Банкохлеба (Хлебного отдела Госбанка. — И. К.) телеграммы не задерживать выдачи ссуд осмотром залогов. На практике это свелось к выдаче ссуд под сохранные расписки, играющие роль складочных свидетельств. Проверка залогов мною потребовала бы объезда ряда пунктов, разбросанных по всей территории районов». ²⁷

Какие выводы можно сделать из отчета Миневрина? Во-первых, местные отделения Госбанка не знали, имеют ли они в залоге реальный или только «бумажный» хлеб; во-вторых, они даже не имели возможность проверить залоги из-за отсутствия штатов, инструкций и методик проведения соответствующих проверок; в-третьих, Госбанк вообще не имел права контроля сведений о размерах заготовок, сообщаемых ему заготовителями.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 8.

²⁷ Там же. Л. 12.

Выше мы уже видели, что и Рабкрины (ведомство, главной задачей которого был именно контроль!) были не в состоянии проверить, соответствие данных, сообщаемых заготовителями, действительности.

Таким образом, можно констатировать полную бесконтрольность деятельности хлебозаготовительных организаций. Наконец, в четвертых, крупнейшая заготовительная организация, «Хлебопродукт», вела себя особенно агрессивно при всякой попытке проконтролировать ее деятельность.

Другому инспектору Хлебного отдела Госбанка, Крюкову, который более детально обследовал Саратовское отделение, удалось произвести проверку реальности залогового обеспечения выданных кредитов: «Касаясь размеров обеспечения выданных Госбанком ссуд, видим, что по справке Отделения в залоге состоит 1752354 пуд. различных хлебных товаров. По полученным же мной данным, почерпнутым из амбарных книг Саратовской мельницы, видно: на 20 декабря значится 423880 пуд. различных хлебных товаров. Сопоставляя данные отделением сведения, имеем большое несоответствие цифр в сторону увеличения цифр Отделения Госбанка (так в тексте. — И. К.). До сего времени Отделение ни разу не установило фактическую наличность поступившего в залог зернопродукта и не видно, чтобы Отделением предпринимались практические шаги по установлению действительно фактического контроля над обеспеченностью выдаваемых ссуд — грузооборотом мельницы, хотя Отделению, возможно, известен совершенно недопустимый метод хранения муки, который имеет место на мельнице ... он заключается еще и тем, что около 50 % всего продукта составляет мука третьего и четвертого сорта, которая от неправильного способа хранения в ближайшее время может потерять свое качество».²⁸

Далее, обращаясь к руководству Отделения, Крюков писал: «Приходя во внимание, что выданные клиентам ссуды должны быть реально обеспечены и что филиалам дано право фактической и документальной проверки, я прошу дать мне объяснения по существу выпезатронутых вопросов».²⁹

Ответ Отделения был прост: «Сверки наших книг с книгами мельницы не производились за неимением у наших сотрудников времени, занятых текущей работой (так в тексте. — И. К.)».³⁰

Кроме подтверждения выводов, сделанных после прочтения отчета Минисерина, у Крюкова мы находим прямое указание на наличие крупных приписок со стороны хлебозаготовителей и полное пренебрежение сотрудников Госбанка вопросами контроля за количеством и качеством заложенных зернопродуктов.

Характерно, что, как явствует из официального ответа, данного Крюкову, даже документальная проверка залогов не входила в круг «текущей работы сотрудников банка» и проводилась, надо полагать,

²⁸ Там же. Л. 160.

²⁹ Там же. Л. 161.

³⁰ Там же. Л. 162.

крайне редко. Тем самым заготовители получали полную возможность для фальсификации залогов.

То, что описанная ситуация была характерна не только для Поволжья и не только для 1923 г., видно из Циркуляра Правления «Хлебопродукта» от 23 июля 1925 г., разосланного всем местным отделениям акционерного общества: «В последнее время в правлении, через правление Госбанка, поступил ряд заявлений от местных отделений банка на то, что последние встречают различного рода препятствия со стороны отдельных наших контор при урегулировании расчетов по прошлогодней кампании. В качестве примера указываются случаи заложенного Госбанку и оставленного на наше хранение хлеба и проявленного некоторыми нашими конторами уклонения от покрытия недостатка».³¹

Фиктивно заложенные хлебные товары фигурировали в отчетах и балансах заготовительных организаций как реально заготовленные, и руководство последних очень рассчитывало на вовлечение максимального количества хлеба, значившегося в залоге, в «живой» оборот: «Мы выдвигаем перед конторами, — говорилось в одном из Циркуляров Правления «Хлебопродукта» (февраль 1925 г.), — следующие практические предложения: ... Своевременно полностью отгружать хлеб по нарядам правления и тем самым устранять необходимость покрытия задолженности по подамбарным ссудам наличными деньгами».³²

Сама система учета хлебозаготовок благоприятствовала припискам. Вновь обратимся к материалам Хлебного отдела Госбанка: «Много значит, конечно, недостаточная разработка вопроса о приемах хлебозаготовок вообще и точная терминология. Так, среди массы закупленного хлеба имеется зерно: 1) наличное в складах и подгаузах на станциях железной дороги; 2) в амбарах продавцов в пяти верстах расстояния и 3) в процессе собирания, то есть вне пятиверстного расстояния. По условиям оплаты имеется и может быть зерно: 1) сполна оплаченное; 2) озадаченное; 3) просто законтрактованное на известный срок поставки без авансов и частичных уплат. На будущее время полагал бы необходимым строго придерживаться правил распределения закупок хотя бы на две категории: 1) наличного товара, который должен находиться на складах при станциях, должен быть осмотрен, может быть, даже опечатан или, во всяком случае, обеспечен сохраняемыми расписками. Все это зерно может быть оплачено до 90% его стоимости; 2) законтрактованное, к которому отнести все прочее зерно, купленное на иных условиях: а) в амбарах вне станций и т. д.; б) без указания мест нахождения. По данным сделкам может быть допущено озадачивание в размере не свыше 25% их стоимости».³³

В своих отчетах заготовители не делили заготовленное зерно на «наличное», «озадаченное», «законтрактованное» и т. п., а указывали только общий размер заготовки. Отсюда следует, что конторы

³¹ Бюллетень «Хлебопродукта». 1925. № 11. С. 12.

³² Там же. № 2. С. 3.

³³ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 3597. Л. 18.

могли в принципе, указать любую цифру заготовленного зерна «без указания места нахождения», а в случае фактической проверки (что уже само по себе маловероятно) всегда можно было сослаться на дальние расстояния или на то, что хлеб еще не доставлен поставщиком.

Контролирующие органы даже не пытались бороться с благоприятными для приписок формами отчетности. Об этом свидетельствует тот факт, что инспектор Хлебного отдела в только что приведенном объяснении и «на будущее время» предлагал сохранить практику включения в общее количество купленного заготовителями товара зерна «без указания места нахождения».

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют в большинстве случаев разделять валовые показатели хлебозаготовок, имеющиеся в их отчетах, по указанным выше рубрикам. Уже одно это обстоятельство делает данные хлебозаготовителей полностью непригодными для достоверного статистического анализа.

Косвенным подтверждением факта серьезных расхождений между отчетами заготовителей и действительностью могут служить достаточно часто встречающиеся в источниках указания на трудности, с которыми сталкивались местные конторы заготовительных организаций в процессе выполнения нарядов своих руководящих центров на отгрузку хлебопродуктов. Наряды эти выписывались на основании тех данных, которые места направляли в центр, а отгружать приходилось реальные хлебопродукты.

В уже знакомом нам отчете инспектора Госбанка читаем: «По действующему порядку установлено одно понятие — „заготовлено“, причем имеется в виду, что заготовленный хлеб вполне транспортабелен. На самом же деле это не то. Так, например, Царьщинским отделением заготовлено довольно значительное количество зерна — 681 вагон, о чем своевременно и сообщено в центр, отправлено 180 вагонов и остается 488 вагонов. Между тем, когда дело коснулось срочной отгрузки в Туркестан, то готового и вполне способного к отгрузке зерна едва набралось на 50—60 вагонов». Ситуация, после фактической проверки, объясняется очень просто: «Самый крупный пролавер, Волонсоюз, ...представил Царьщинскому отделению ложные сведения и дал явно неосуществимые подписки и обязательства».¹⁴

Показательная ситуация с распределением «заготовленного» зерна в «Хлебопродукте». В январе 1925 г. Правление обратило внимание на ненормальность ситуации, когда за период июль—декабрь 1924 г. было заготовлено, по данным местных контор, 77 млн. пуд. зерна, а реализация, за тот же период, включая экспорт, составила всего лишь 45—46 млн. пуд.: «Есть же учесть, что реализация в первые два месяца текущей кампании шла в значительной мере за счет остатков прошлогоднего хлеба, то процент реализации к заготовке будет составлять не более 45% ... Нереализованная часть хлеба, но оплаченная наличными деньгами на все сто процентов, превращает

¹⁴ Там же. Л. 17—18.

в мертвый капитал средства общества, затраченные на заготовку этого хлеба».³⁵

В кампанию 1925/26 г., судя по материалам инспекторских проверок Хлебного отдела Госбанка, ситуация с учетом заготовок повторилась.

О Сталинградском отделении: «Ввиду того неупорядоченного бухгалтерского учета, а также потому, что оперативный учет не поставлен, установить какое количество (зерна. — И. К.) откуплено прощито через пункты хранения и транспортные организации, возможно лишь путем выборок лицевых счетов агентов и куп складов ... Хлеб по железной дороге прибывал зачастую до получения документов и таким же порядком отпускался, вследствие чего наблюдение за грузом затруднялось. Сталинградский Хлебный отдел оперативного учета не ведет и все сведения представляет по выпискам из соответствующих бухгалтерских книг, что имеет расхождение с фактическим положением, учесть которое весьма затруднительно».³⁶

О Пензенском отделении: «Учет заготовок Пензенским отделением либо не ведется вообще, либо не отражает с достаточной ясностью и прямотой всех операций».³⁷

К аналогичному выводу пришел инспектор при проверке работы Хлебного отдела при Уральском отделении Госбанка.³⁸

Из акта обследования Казанской конторы: «Благодаря отсутствию бухгалтерии и контроля по ряду собственных и контрагентских ессыпунктов имела место значительно превышающая предельные нормы убыль товаров».³⁹

• • •

Подводя итог анализа материалов статистической отчетности хлебозаготовительных организаций 20-х годов, приходится констатировать их полную непригодность для использования в качестве источника данных о количестве хлеба, циркулировавшего по каналам обращения.

Перед государственными и кооперативными хлебозаготовителями были поставлены две взаимоисключающие задачи: получение прибыли при производстве хлеботорговых операций и реализация политического лозунга «смычки с крестьянством», для чего надо было покупать хлеб непосредственно у производителя. Покупки непосредственно у крестьян были заведомо убыточны, так как требовали несоразмерного увеличения накладных расходов. В такой ситуации руководство хлебозаготовительных организаций не только не стремилось к борьбе с эффектом «двойного счета» в отчетности, но и объективно было заинтересовано в его сохранении, так как, если нельзя точно отделить посреднические покупки от покупок не-

³⁵ Бюллетень «Хлебопродукта». 1925. № 1—2. С. 2.

³⁶ РГАЗ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 3607. Л. 18, 33.

³⁷ Там же. Д. 3608. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 183 об.

³⁹ Там же. Д. 3618. Л. 65.

посредственно у производителя, то появляется возможность безнаказанно преувеличивать удельный вес последних.

Кроме того, работники провинциальных отделений хлебозаготовительных организаций просто вынуждены были идти на прямую фальсификацию данных о количестве заготовленного хлеба в силу действовавшей системы финансирования хлебозаготовительных операций государством.

Практически полное отсутствие контроля за соответствием отчетных данных действительности позволяло заготовителям использовать в своих интересах как эффект «двойного счета», так и приписки.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЯ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В СЕРИИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Как известно, 38-й том Полного собрания русских летописей посвящен изданию текста одной из древнейших летописей, уникальному памятнику средневековой письменности — Радзивилловской летописи. Том вышел из печати в 1989 году в Ленинградском отделении издательства «Наука». Но изданию памятника предшествовала сложная и долгая история. На обороте титульного листа книги, согласно установившейся традиции, указаны имена: ответственного редактора серии академика Б. А. Рыбакова, заместителя ответственного редактора доктора исторических наук В. И. Буганова (в те годы он еще не был членом-корреспондентом РАН), членов редакционной комиссии: доктора исторических наук М. Д. Ирошников, доктора исторических наук М. В. Кукушкиной, доктора филологических наук Я. С. Лурье. Кроме того, указано имя М. Д. Приселкова, первого ученого в отечественной истории летописания, обосновавшего необходимость издания текста Радзивилловской летописи как отдельного, самостоятельного памятника письменности. И указаны также имена исполнителей, ученых, кандидата филологических наук О. П. Лихачевой, Р. М. Мавродиной, кандидата исторических наук Е. К. Пиотровской, завершивших труд М. Д. Приселкова. Уже нет в живых ни Р. М. Мавродиной (ум. в 1980 г.), ни В. И. Буганова (ум. в 1996 г.), ни Я. С. Лурье (ум. в 1996 г.). И конечно же, издание летописи никогда бы не увидело свет, если бы не инициатива и настойчивость Я. С. Лурье, слушавшего лекции М. Д. Приселкова на историческом факультете ЛГУ, продолжившего изучение истории русского летописания после смерти ученого и радсавшего о том, чтобы традиция изучения летописей, начатая А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, не заглохла.¹

¹ Подробнее см. об этом в предисловии, написанном Я. С. Лурье, к переводному изданию: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. / Подг. к печати В. Г. Вовиной. СПб., 1996. С. 51—59.